



ГЛАВА 2

Как только солнце опускалось за горизонт, пустыня выдыхала накопленный жар и принималась медленно остывать. Ветер приносил прохладу и легкую красную пыль, разбрасывал ее над лагерем и завывал в расщелинах невысоких скал. Небо наливалось густой синевой: разом вспыхивали тысячи небесных огней, отбрасывая светлые блики на песок.

Ночей Юкай не любил. Беспокойство проникало под кожу роem жалящих насекомых, не давало уснуть, заставляло ворочаться в постели. Все вокруг было слишком иным, непохожим на родную землю; впрочем, о давно покинутой Лойцзы Юкай вспоминал все реже. Перед его глазами чередой пронеслись странные и неприкаянные пейзажи: то серые степи обдавали запахом трав, то густые леса накрывали сенью, и каждое место было одинаково чужим. Теперь остался один-единственный город, отделяющий армию от возвращения домой.

Дом... Короткое слово перекаатилось во рту, как согретая солнцем ягода. Для Юкая в нем оказалось даже больше смысла, чем можно было представить. Память услужливо подбросила картинку, сохраненную в дальнем уголке разума. Небольшая ветхая усадьба пряталась в роще; от столицы к ней вела заросшая дорога, превратившаяся в едва заметную колею. Добираться туда в непогоду приходилось по непролазной грязи, но Ши Мин никогда не жаловался.

Летом дорога занимала половину дня, а по осени и того больше. Рядом не было никаких благодатных полей, пригород и деревеньки разрослись в другую сторону, и соседями юного принца были ветер да голые холмы с редкими пятнами рощ.

Осенью влажный ветер выдувал через щели остатки тепла, и наставник постоянно мерз, кутаясь во что попало, лишь бы согреться. Да еще и беспокойного ученика норовил замотать в одеяло потолще, не слушая никаких возражений: в тот год стены их богами забытого дома слышали больше проклятий в сторону императора, чем иные дома заговорщиков. Постепенно Юкаю все же удалось понять задумку старшего брата. Отправив его в глушь, Ду Цзыян сразу двух зайцев убил, даже стрелу на тетиву не наложив: и от жадных рук подальше спрятал, и беспокоиться о воспитании перестал — Ши Мин побеспокоится сам.

Ши Мин и беспокоился — днем и ночью, — оказавшись между молотом и наковальней. Как воспитать, чтобы будущее империи не обидеть и врага не нажать, но при этом вразумить и достучаться? Как сохранить здоровье, если дом на грани разрушения, а переезжать правитель не велит? И какое образование дать юному принцу, если сам он едва успел чему-то научиться между походами и визитами во дворец?

Ответов не знал никто, даже сам многомудрый император. Он только легкомысленно махал рукой и убеждал Ши Мина в полном своем доверии.

— К демонам такое доверие, — бормотал Ши Мин вечерами, собирая сучья в охапку и передергивая плечами. От холода губы у него становились совсем синие. — Заперли дракона в курятнике...

Это ворчание Юкай находил даже приятным. Заботы он видел мало и каждое зернышко собирал, как бедняк, — украдкой, торопясь от чужих глаз спрятать.

Они вдвоем разводили огонь в очаге, разгоняя солнечно-рыжими бликами и ненастью, и одиночество. Тепло понемногу

наполняло стены, расходилось по широкой трубе и согревало сложенные из камней лежанки. Этот дом Юкай запомнил так, как не запомнил даже родной дворец, — до последней крошечной щели.

Брат отправлял к ним слуг, но ни одного лица Юкай запомнить не смог. Ему казалось, что больше никого не только в доме, но и во всем мире не осталось. Привычный к походам Ши Мин вовсе без чужой помощи обходился, но принцу в таких условиях жить не полагалось.

Все неважное стирается из памяти, а дорогое становится даже ярче — только сквозь годы познаёшь настоящую ценность своих воспоминаний.

В двенадцать Юкай не понимал, зачем брат подтолкнул его к коленопреклоненному хрупкому мужчине. Брат сказал, что так нужно, а решения брата не обсуждались.

Но любить слишком молодого наставника он не просил.

Со всем пылом замкнутой запутавшейся души Юкай принялся ненавидеть. Тихий большеглазый мужчина, к которому его привязали на долгие годы, был слабым. Слабость Юкай презирал, потому что слабые были лишь грязью под ногами сильнейших.

Презирал и широко распахнутые черные глаза, такие яркие, что больше подошли бы юной наивной девушке. Кривился при виде легкой извиняющейся улыбки, с которой наставник заговаривал с ним. Шипел сквозь стиснутые зубы, глядя на не по-мужски тонкую легкую фигуру.

Спустя год мальчик понял, что под тонкой кожей таится стальной характер, а хрупкие пальцы, которые мнились ему бессильными и ломкими, с легкостью вцепятся и раздавят горло врага. Только вот Ши Мин никогда не полагался на силу, предпочитая решать проблемы еще до наступления конфликта. И в этом до поры тоже мерещилась Юкаю слабость — ну что за мужчина будет прятаться от драки за кружевами слов?

К четырнадцати Юкай впервые произнес титул наставника без прежнего пренебрежения. К тому времени он начал осознавать, что не только его жизнь была вывернута наизнанку, но и Ши Мину никакого удовольствия не приносило жить вдали от столицы.

Первый год Ши Мин провел дома, медленно сходя с ума. Он будто выцветал, запертый в четырех стенах и лишенный привычной дороги под копытами лошади. Юкай тенью бродил за ним все свободное от занятий время, присматриваясь и пытаясь разобраться; эта задачка казалась непосильной.

Он никак не мог сообразить, почему посторонний человек, да еще и главнокомандующий, не смог просто взять и отказаться возиться с ним. Ведь брат его ценил и наверняка не стал бы вынуждать. Тогда Юкая вернули бы во дворец, а Ши Мин снова двинулся бы в путь, превращая первозданный хаос в порядок под управлением императора. Так почему?

С самого рождения ненужный, Юкай был окружен только многочисленными молчаливыми слугами. Мать, наложница в гареме, любимица императора, уже подарила правителю одного сына и не особенно хотела расплачиваться красотой и еще сохранившейся свежестью за рождение второго. Сам император, имеющий двоих сыновей от жены, десяток — от наложниц и не менее сотни по всем углам страны, очередным отпрыском и вовсе до поры не интересовался. Единственным человеком, который все свое свободное время проводил с Юкаем, был старший брат. Однако после смерти отца и он, занятый интригами и укреплением собственной власти, попросту сдал младшего с рук на руки.

Наставник был слишком странным. Поначалу и вправду казалось, что ему до Юкая нет никакого дела, но со временем его отношение начало меняться. Юкай терялся от внимания, которое было ему в новинку, пугался и уходил в себя, скрываясь за острыми иглами безразличия. Он рано понял законы, по которым живет взрослый мир. Любой пристальный взгляд мог нести опасность,

любые добрые слова скрывали за собой только холод и равнодушие.

Император позволил Ши Мину передать свои полномочия временному заместителю, настаивая на необходимом отдыхе, но полностью оставить службу не разрешил. Отдых иногда прерывался срочными письмами, и Ши Мин срывался в путь, торопясь как можно скорее покончить с делами и вернуться.

Его отсутствие не затягивалось дольше пяти-шести дней, но это время для Юкай тянулось невыносимо медленно. В первой же поездке Ши Мин начал передавать ему короткие письма. В них не было ничего важного, только пространные описания пейзажей, жалобы на скуку да смешные истории; но тоненькой ниточкой через эти немудреные строки была пропущена одна мысль.

Я не знаю, беспокоишься ли ты, но скоро вернусь домой. Обещаю.

Юкай не ответил ни на одно, но сохранил каждое. Сохранил даже веточку с засушенным бледно-желтым цветком, которая выпала из очередного письма. Лепестки со временем стали почти белыми и приобрели восковую бледность, а после и вовсе осыпались, но все еще лежали между листами плотно исписанной бумаги. Это письмо было намного длиннее и ценнее остальных: Ши Мину тогда пришлось уехать почти на месяц, умирив волнения, и Юкай даже не знал, как долго продлится его отсутствие.

Хрупкие, пока едва заметные ниточки стали стягиваться вокруг его сердца, даря совершенно незнакомое чувство нужности.

Эта ловушка оказалась куда страшнее всех прочих.

Во время волнений от случайной раны погиб заместитель Ши Мина. От природы неприметный, хотя и не лишенный таланта, он незаметно служил и так же незаметно испустил дух. Император решил, что времени прошло достаточно, и призвал Ши Мина обратно вместе с Юкаем.

В пятнадцать он, растерянный, продуваемый всеми ветрами разом, стоял перед огромной армией. Фигурки, которыми он играл в детстве, заменили на людей. Если бы не Ши Мин, его никогда

не приняли бы. На самом деле каждый воин, замерший навтыжку, следовал только за Ши Мином, а Юкаю просто позволялось играть в главнокомандующего, осторожно и под присмотром.

Он был растерян как никогда прежде.

Обида на брата, который когда-то отказался от него, передав Ши Мину, росла и крепла. Да, другого выхода не было, и умом юноша понимал, что все это было сделано не столько ради удобства императора, сколько для безопасности самого Юкая, но когда разум мог пересилить детскую обиду?

Задавленный железной рукой гнев опускался на самое дно и распускался там ядовитыми черными цветами.

Новый император принялся расширять границы. Девять стран кольцом окружали Лойцзы, заключая его в тиски. Дикие территории, лишенные твердой руки; десятки лоскутков, готовые пердраться за любой клочок плодородной земли. Кочевники и охотники, каждый день встречающие рассвет под новым небом, пастухи, перегоняющие по степям стада недовольных ящеров. Слабые страны, с которыми приходилось считаться.

Восемь из них Юкай с Ши Мином принесли за три года походов и положили к подножию трона. Принесут и девятую.

Первый год прошел как в тумане. Страх, паника и непонимание заставили Юкаю обратиться к знаниям, а Ши Мин был только рад: ребенок, прячущийся в углу с книгой, куда удобнее ребенка беспокойного и рвущегося в бой. Однако книги не давали ответы на нужные вопросы.

Первым камнем преткновения оказался сам поход. Юкай долго думал, сопоставлял и никак не мог сообразить, чем же крошечная страна не угодила брату. Не найдя никакой причины, он понес свою беду наставнику.

Ши Мин окаменел лицом и неохотно покачал головой.

— У императора нашего огромные планы, — тихо произнес он. — Не мне осуждать его мудрость. Но не только мы видим, что империя сильнее остальных стран, они видят тоже. А если

успеют объединиться в союз, тогда уже нам не устоять. Нельзя воевать во все стороны разом.

Если не напасть первым, то нападут на тебя. Эта причина была Юкаю понятна, хотя он и не сталкивался раньше с ней в таких огромных масштабах; выходит, нет никакой разницы — два человека воюют или две страны.

Во время первого похода никто и не понял, что на самом деле произошло: очень кстати на границе случилась большая бойня, и армия выдвинулась наводить порядок, а после и подавить сопротивление; когда страна пала, соседние лишь обеспокоились, но не испугались по-настоящему.

Однако домой армия не вернулась. Получив обозы с провиантом, воины сделали небольшой крюк и в тот же день оказались на территории соседней страны, крошечного миролюбивого Фенву, который предпочитал место под солнцем завоевывать земледелием и торговлей.

Оставшиеся семь стран срочно собрали совет, но начать переговоры не удалось. Лихие наемники без роду и племени перебили половину собравшихся министров вместе с охраной и растворились в синих сумерках, перевернув судьбу тысяч людей.

Уже к концу похода Юкай начал смотреть на мир другими глазами, и в этом была не только заслуга наставника. Некогда просто заученные, но непонятные трактаты наконец сложились в его голове в ослепительную стеклянную мозаику, каждый кусочек которой был идеален и безукоризнен. В свете этого нового знания брат казался недалеким и беспомощным.

— *Начинай, — наставник ободряюще кивнул. Юкай зажмурился. Он все еще не мог смириться ни с переездом в глушь, ни с отсутствием брата; заучивать многомудрые речи давно умерших мудрецов казалось ему глупой тратой времени.*

— *Превыше всего — Путь... — глуховато начал он и запнулся. Слова эти для тринадцатилетнего мальчишки были лишь пустым звуком.*

— Не так, — покачав головой, Ши Мин поднялся и прошелся по комнате, — превыше всего — Путь. Путь — это не просто дорога, это мост между прошлым и будущим, и строят его и правитель, и народ. Поэтому мысли и надежды у них должны быть общими. Если правитель строит каменный мост, а народ — деревянный, разве можно будет соединить две половины и пройти по нему? Плох тот правитель, который не смог свои чаяния сделать мечтами своего народа, но и тот плох, кто вовсе не слышит своих подданных. Ты должен накрепко запомнить это. Император и народ — разные части, как голова и рука, но действовать они должны сообща.

Теперь Юкай понял и глухое давнее недовольство наставника братом, и некоторое напряжение сразу перед походом. Голова смотрела по сторонам и жадно мечтала захватить как можно больше власти, пока руки умирали от голода и надеялись на спокойную жизнь. Впервые Юкай осознал, как тяжело любить человека, считать его примером для подражания и опорой, но медленно разочаровываться в его умении управлять страной. Свои мысли он предпочитал держать при себе, считая их едва ли не кощунственными.

Быть может, в этом все-таки есть смысл? Ведь им, вопреки всему, удалось покорить земли, на которые нацелился император...

Последняя страна, Локан, лежала перед ними. Море песка, где ни травинки не найти; вода по цене золота, золото не дороже горсти песка. Горластые, дочерна загорелые люди с прозрачно-голубыми глазами и белоснежными улыбками, чьи тела замотаны в десятки тонких одежд, а душа — в десятки фальшивых чувств. У них ни друзей, ни врагов — только те, кто продает, и те, кто купит; остальное не имеет значения. Они проживали свою жизнь как азартную игру и умирали так, будто завтра снова откроют глаза. Ни один из них не склонял головы. Пока был хоть малейший шанс победить, они готовы были драться, лстить, лгать, откупаться, но только не сдаваться. Боги слепили

этих людей из гонора и воя ветра, а обжигало полусырые фигурки само солнце.

Города жили за счет торговли. Стоило взять неприступные стены в кольцо, и люди, лишённые еды, начинали сходить с ума. Одни пытались торговаться, предлагая и деньги, и ценности, и собственных детей, готовы были согласиться на любые условия и тут же позабыть свои клятвы, другие выходили в последний самоубийственный бой. Завтра с рассветом медлительные после сна звери снова поднимут в воздух песок, и спустя несколько часов на горизонте должны показаться стены Хабира.

Взбудораженные воины невольно ускоряли ход и тут же одергивали друг друга, опасаясь нарушить строй. Усталость отступает, когда близка не просто победа, а возвращение домой и спокойствие; даже если люди подзабыли, каково это спокойствие на вкус. Всего один город остался между ними и окончанием войны.

Незадолго до приказа остановиться и разбить лагерь с неба камнем рухнула птица. Светлый, в темных подпалинах сокол парил на той высоте, где жар пустыни сменялся холодом. Ши Мин натягивал плотную кожаную перчатку, закрывающую руку почти по плечо, и отставлял локоть в сторону; птица мгновенно срывалась вниз, выставив желтоватые когтистые лапы. Грудь и шею сокола охватывала легкая кожаная перевязь, на которую крепились тонкие цилиндры с письмами.

Пока Ши Мин одной рукой вытягивал послание из плотной хватки ремней, птица, волнуясь, переступала по истрепанной коже и топорила перья. Наконец мужчина с усилием взмахнул рукой, подбрасывая сокола вверх.

— От кого письмо? — Юкай тронул ящера и подъехал ближе. Голос его прозвучал хрипло, слишком грубо, и он попытался было облизать высохшие губы, но растрескавшаяся кожа отозвалась резкой болью. Ши Мин приподнял цилиндр, показывая кругляш печати. Красный воск качнулся, выдавленный силуэт дракона на императорской печати уже начал оплывать.

Младший Дракон нахмурился. Смена курса? Какие-то вести с границ? Он протянул руку, однако Ши Мин тихо фыркнул и сам сорвал печать. Тонкие пальцы пробежали по небольшому листу, бережно расправив края.

— Это личное, — коротко сообщил Ши Мин, скользнув взглядом по собственному имени в верхнем углу письма. Между бровей пролегла едва заметная беспокойная морщинка.

У императора и наставника может быть сотня причин для ведения личной переписки, однако именно в эту минуту внутри зашевелилось колючее ощущение не порядка.

Усилим воли оборвав череду беспокойных мыслей, Юкай рассматривал прикрытое тканью лицо. Только полоска потемневшей от загара кожи, высокая переносица да глаза — но и этого было достаточно, чтобы представить сосредоточенно сжатые в тонкую нитку губы и узкий упрямый подбородок.

Черные глаза быстро пробежались по строчкам, ненадолго задерживаясь на некоторых словах. Длинные ресницы подрагивали; кончики выгорели до светло-коричневого, песочного оттенка.

Чем ниже опускался взгляд Ши Мина, тем сильнее брови сходились над переносицей, а в уголках глаз отчетливее проступали морщины. Казалось, он с большим удовольствием разорвал бы этот лист бумаги на сотни клочков, растер в легкую пыль и пустил по ветру...

Дочитав, наставник одним движением смял послание в ладони и сунул в карман.

Юкай, не желая лишний раз травмировать губы, молча приподнял бровь.

— Это личное, — ровно повторил Ши Мин. Темные глаза прищурились, превращаясь в полумесяцы и выдавая скрытую улыбку.

— Это мой брат, — напомнил Юкай. Во рту растекся привкус крови. — Какое такое личное может быть между вами, что не касалось бы меня?

Ши Мин закатил глаза и резким ударом пяток послал ящера вперед.

— Хватит думать о глупостях, — бросил он, кругом объезжая младшего Дракона.

Юкай прищурился и проводил удаляющегося наставника взглядом. Неужели это письмо настолько личное, что и слова о нем сказать нельзя? Несмотря на внешнее спокойствие, поведение Ши Мина напоминало поспешное отступление.

Иногда Юкаю хотелось бы понимать этого человека немного хуже.

Пусть разговорам они оба предпочитали тишину, однако это не мешало Юкаю подмечать все те мелочи, которые выдавали настроение наставника. Как звериное чутье подсказывает питомцу, когда хозяин не в духе, так и он еще подростком научился видеть все эти неочевидные знаки. Возможно, будь юный наследник династии более открытым и окруженным заботливыми людьми, ему не пришлось бы в голову так заострять внимание на Ши Мине, но реальность оказалась жестока.

Во всем мире он зависел только от двух людей, и только эти двое имели значение. Только их власть над собой он признавал, и понимать их казалось единственной по-настоящему стоящей изучения наукой. Однако в силу скрытности Юкая они оба — и брат, и Ши Мин — никогда не узнают о том, что каждое их слово и действие было замечено, истолковано и навсегда сохранено.

Тем временем долгий поход все больше сближал двух непохожих и одинаково одиноких людей.





[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

